

ПОСВЯЩЕНИЕ «ПОЛТАВЫ»

(текст, функция)

Стихотворное посвящение «Полтавы» делалось неоднократно предметом научного внимания. К анализу его прилагали свои усилия такие авторитетные исследователи, как П. Е. Щеголев, М. О. Гершензон, Ю. Н. Тынянов. Однако неизменно речь шла о рассмотрении текста посвящения как одного из решающих свидетельств в занимающей исследователей проблеме «утаенной любви» Пушкина. Отношение посвящения к тексту поэмы, его художественная функция и телеология в единой архитектонике «Полтавы» не привлекали внимания исследователей, захваченных поисками биографических намеков. Именно этот вопрос будет предметом настоящего сообщения.

* * *

Вопрос о том, кому посвящена «Полтава», не безразличен для понимания функции посвящения в общей текстовой структуре поэмы. В этой и только этой связи нам придется обратиться к рассмотрению черного варианта посвящения (вернее, нескольких стихов из черного варианта).

История исследовательской интерпретации этих стихов такова: В 1911 г. П. Е. Щеголев, восприняв общую идею М. О. Гершензона (фактически — А. Незеленова¹) об утаенной, пронесенной через всю жизнь любви Пушкина, оспорил, однако, мнение об адресате этого чувства. Вместо М. А. Голицыной (урожденной Суворовой) он выдвинул кандидатуру Марии Николаевны Раевской (в замужестве — кн. Волконской). Не воспроизводя деталей этого хорошо известного в пушкиноведении шумного спора², отметим лишь, что с точки зрения и

¹ А. Незеленов. Александр Сергеевич Пушкин в его поэзии. СПб., 1882, стр. 151—152; его же. Собр. соч., т. I. СПб., 1903, стр. 177.

² См.: М. О. Гершензон. Северная любовь Пушкина. «Вестник Европы», 1908, январь; его же. Мудрость Пушкина. М., 1919, стр. 155—184; П. Е. Щеголев. Из разысканий в области биографии и текста Пушкина. Пушкин и его современники, вып. XIV, 1911; М. О. Гершензон. В ответ П. Е. Щеголеву, там же; П. Е. Щеголев. Дополнения к «Разысканиям», там же; ср.: П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина, М.—Л., 1931, стр. 150—254.

самого Щеголева, и его оппонентов основным аргументом в системе доказательств являлась зачеркнутая строка в посвящении «Полтавы». П. Е. Щеголев писал: «Вариант «далекая пустыня» находится во второй редакции стихотворения, на листе 70, о которой мы до сих пор и вели речь. Но на 69 об. и 70 листах есть еще, как мы упоминали, и первоначальная редакция. Пушкин набрасывал эту редакцию в момент рождения самого замысла и, следовательно, не думал о том, какой вид получат стихи в печати. И вот тут мы видим уже совершенно определенный эпитет:

Сибири хладная пустыня.

Этот зачеркнутый вариант решает вопрос³.

Однако Гершензон не согласился с «решающим» аргументом Щеголева, указав, что «он приводит только один стих из данного наброска; но этому стиху предшествует другой, который определяет смысл того стиха; именно, написано:

*Что без тебя мир
Сибири хладная-пустыня.*

Пушкин хотел сказать: без тебя мир для меня — пустыня, сибирская пустыня. Только и всего. С устранением этого документального основания, все остальные доводы П. Е. Щеголева в пользу любви Пушкина к М. Н. Волконской падают сами собой⁴. Щеголев в специальном «дополнении» привел полную транскрипцию и фотокопию спорного текста. Однако основной тезис его обороны — утверждение бессвязности чернового текста («затруднительно вычитывать из этих развалин один определенный смысл, и невозможно признать принадлежность этих *tembra disjecta* одному определенному построению»⁵) не вызвал сочувствия текстологов, и мнение Гершензона возобладало. Много лет спустя его повторил Тынянов в статье «Безыменная любовь», дав этим стихам лишь несколько иную, чем Гершензон, интерпретацию: «Таким образом, не для той, которой посвящены стихи, а напротив, для поэта без нее мир — «Сибири хладная пустыня». Здесь совершенно ясное воспоминание о том, кто и когда был защитницей поэта, когда ему грозила Сибирь, без кого мир был бы для него «Сибири хладною пустыней»⁶. Приняло такую последовательность стихов (а это — основной аргумент в пользу гершензоновского осмысления) и академическое собрание сочинений Пушкина (см.: V, стр. 324, подготовка текста

³ Щеголев. Из разысканий... Пушкин и его современники, вып. XIV, стр. 180—181.

⁴ Гершензон. В ответ П. Е. Щеголеву, там же. стр. 196—197.

⁵ Щеголев. Дополнения..., стр. 210.

⁶ Ю. Н. Тынянов. Пушкин и его современники. М., 1969, стр. 229.

Н. В. Измайлова). Все сказанное заставляет нас еще раз вернуться к текстологическому анализу этих строк.

Анализ рукописи убеждает, что стихи «Сибири хладная пустыня» и «Что без тебя мир» оказались рядом на бумаге случайно и ни в одном синхронном срезе движения пушкинского текста не соседствовали. Попытаемся реконструировать процесс работы Пушкина над интересующим нас текстом на основании того, как он запечатлелся на л. 70 альбома РОПД, ф. 244, оп. 1, № 838 (старый шифр — № 2371 ЛБ.). У Пушкина были уже готовы три строфы (процесс их создания отразился на л. 69). Перевернув страницу альбома поперек, Пушкин в правой ее половине перебелил готовые строфы. Прежде всего был написан эпиграф:

[Ihave]love this sweet name.

Затем было написано заглавие «Посвящение», которое Пушкин зачеркнул, проставив сверху другое: «Тебе».

Тебе... Но голос Музы темной
Коснется ль слуха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной.
Стремленье сердца моего,
Иль посвящение поэта
Как утаенная любовь
Перед тобою без привета
Пройдет, непризнанное вновь?..
Но если ты узнала звуки
Души приверженной тебе,
О думай что во дни разлуки
В моей изменчивой судьбе —

Так, видимо, сложился текст первых трех строф (нижний пласт перебеленного посвящения на л. 70) в сознании поэта, когда он приступил к работе над последней строфой. В это время в мыслях Пушкина была уже определена основная пара рифм: «пустыня — святыня». При этом сформирована была и синтаксическая обойма строфы — «твоя пустыня — моя святыня», что при заданных метре и строфической организации давало уже определенный костяк, который оставалось лишь детализировать. Был написан первый очерк строфы:

Твои следы, твоя пустыня
Твои печали, образ твой
— моя святыня

Далее первый стих начал варьироваться: «Твоя далекая пустыня», «Твоя печальная пустыня», «Твоя суровая пустыня». Затем был резко изменен второй стих: начальное «твои» было зачеркнуто, и стих принял вид:

Печали, слезы <звуки?> речей

Далее все было зачеркнуто и приписано «последний звук», что заставляет полагать, что «речей» было зачеркнуто оши-

бочно (или случайно не восстановлено) и стихи следует читать:

Последний звук твоих речей

или:

Твой образ, звук твоих речей

Видимо, оба эти варианта как в какой-то мере равноценные присутствовали в сознании Пушкина, и он колебался в выборе одного из них еще в момент перебеливания законченной строфы. По крайней мере, рифма второго стиха определилась. Тогда Пушкин, отступая, написал два заключительных стиха:

Сибири хладная пустыня
Единый свет души моей

Интонационно совершенно очевидно, что последний стих должен был быть и завершающим все стихотворение. Однако слово «пустыня» оказалось повторенным дважды, и Пушкин ниже зачеркнутых первых двух и выше третьего и четвертого написал вариант первого стиха:

Что ты одна моя святыня

Строфа рисовалась, видимо, так:

Что ты одна моя святыня,
Твой образ, звук твоих речей,
Сибири хладная пустыня —
Единый свет души моей.

Однако стих «Сибири хладная пустыня» не удовлетворил поэта и подвергся переработкам:

Что без тебя <мне?> свет пустыня

(зачеркнутое «свет» надписано над зачеркнутым же «мир»; при пропуске нечитаемого слова, которое мы условно расшифровываем как «мне», и непонимании того, что стих этот завершался в сознании поэта — словом «пустыня», то есть, если разбирать отдельные слова, а не реконструировать процесс создания текста, то получается текст: «Что без тебя мир», который извлек Гершензон из черновика «Посвящения»).

Далее Пушкин отказался от рифмы «пустыня» для третьего стиха (что означало возвращение к зачеркнутым вариантам первого) и после некоторых колебаний остановился на

Одно сокровище святыня

Строфа была закончена, и Пушкин перебелил ее в следующем виде:

Твоя печальная пустыня
Твой образ звук твоих речей
Одно сокровище святыня
Для сумрачной души моей,

но далее переправил «печальная» на «далекая», «твой образ» на «последний» и «для сумрачной» на «одна любовь», поставил знак окончания текста и дату: «27 окт. 1828 Малинники». Работа завершилась.

Таким образом, мы видим, что стихи «Что без тебя мир» и «Сибири хладная пустыня» не могли стоять рядом, ибо представляют трансформацию одного и того же — третьего — стиха строфы⁷.

Очевидно, что в момент работы над посвящением в сознании Пушкина мелькала Сибирь именно как место пребывания той, кого он зашифровал заглавием «Тебе», одновременно и безусловно прикровенным для читателя и намекающим на реально-интимное содержание текста для автора. Нельзя сомневаться, что конкретным содержанием этого «ты» мог быть лишь образ М. Н. Волконской⁸. Однако, можем ли мы на основании этого строить какие-либо далеко идущие выводы относительно «утаенной любви», станет ясно лишь после анализа места посвящения в поэме.

* * *

Когда читатель получил в руки брошюру «Полтава, поэма Александра Пушкина, Санктпетербург, в типографии департам. народного просвещения, 1829», перед ним была книга, составленная из следующих частей: прозаического предисловия, текста поэмы и примечаний. Структурная разделенность частей была подчеркнута тем, что предисловие имело римскую пагинацию, посвящение было набрано на листах, вообще не нумерованных, а поэма и примечания к ней — пагинацию арабскую. Однако разделенность частей не отменяла, а скорее подчеркивала их взаимную обусловленность и телеологическую связанность.

⁷ Попутно отметим неточности в академическом издании: воспроизведенной там на стр. 324 пятого тома строфы:

[Твоя] печальная пустыня
Последний звук <твоих> [речей]
[Твой ясный образ — мне святыня]
[Благоговею перед ней —]

в стихотворении нет и быть не могло, поскольку приведенные здесь первый и третий стих — разные моменты работы над одним — первым — стихом строфы, а четвертый вообще в рукописи отсутствует: «перед ней» и «Я благоговею» (а не «благоговею») отчетливо представляют собой наброски не связанных между собой различных стихов. На стр. 325 акад. изд. из перебранного текста до десятого стиха воспроизводится верхний пласт правки, а первоначальный текст дается под строкой, но после него — печатный текст воспроизводит нижний слой, а правка не учитывается совсем. Никаких объяснений этому не дано.

⁸ Ср.: Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., 1967, стр. 330—334.

Центральное смысловое ядро составлял, конечно, текст поэмы. К нему, прежде всего, и обратимся. «Полтава» привлекала внимание критиков и исследователей от Белинского до наших дней⁹. Напрасно было бы надеяться прибавить в краткой заметке что-либо существенное к уже сказанному исследователями. Резюмируем лишь некоторые идеи.

«Полтава» создавалась в период, когда проблема историзма с особенной остротой встала в сознании Пушкина¹⁰. Ранний этап историзма в мировоззрении, как свидетельствует духовный опыт Европы и России 1830-х гг., неизбежно включал в себя определенный момент «примирения с действительностью», представления об исторической оправданности и неизбежности объективно сложившегося порядка. С этих позиций протест приравнивался романтическому индивидуализму, игнорированию объективных и внутренне оправданных законов истории. Такие настроения в последекабрьский период, неся одновременно и зародыши нового, значительно более глубокого осмысления жизни, и опасные черты примирения с реальной «рассейской действительностью» (Белинский), с разной степенью глубины захватили широкий круг современников. Даже Лермонтов отдал им кратковременную дань («Три пальмы», «наблюдение принадлежит Ю. Г. Оксману», «Последнее новоселье»).

Пушкин не остался чужд этим настроениям. От известного призыва взглянуть на трагедию 14 декабря «взглядом Шекспира» (XIII, стр. 159) и «Стансов» до седьмой главы «Онегина» и концепции «невмешательства» при оценке политических событий 1830-го года проходит мысль о предпочтении общего частному, истории — человеку, о противопоставлении романтическому индивидуализму погружения в объективную стихию истории.

Специфика позиции Пушкина состояла в том, что в сознании его одновременно подспудно развивалась прямо противоположная тенденция. В период между 1826 и 1829 гг. она, как правило, не выходила на поверхность пушкинского творчества, скрываясь в черновиках и незавершенных замыслах. Между черновым наброском к шестой главе «Евгения Онегина»:

В сраженьи [смелым] быть похвально,
Но кто не смел в наш храбрый век —
Все дерзко бьется, лжет нахально
Герой, будь прежде человек (VI, стр. 411, курс. мой — Ю. Л.)

⁹ Наибольшее значение имеют работы Г. А. Гуковского, В. В. Виноградова, Д. Д. Благого, Н. В. Измайлова, В. М. Жирмунского, М. И. Аронсона и Б. Коплана, см.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения, М.—Л., 1966, стр. 386—388.

¹⁰ См.: Б. В. Томашевский. Историзм Пушкина. В кн.: Б. В. Томашевский. Пушкин, кн. 2. М.—Л., 1961.

и стихами из «Героя»:

Оставь герою сердце! Что же

Он будет без него? Тиран... (III, кн. 1, стр. 258)

пролегла цепь размышлений о том, что история оправдывается не только объективностью своих закономерностей, но и прогрессом человечности¹⁴. Эти две противоположные тенденции — историческая и гуманистическая — в период с 1826 по 1829 гг. не получают в творчестве Пушкина синтеза, даже такого трагического, как в «Медном всаднике». Они просто не пересекаются, проявляясь в различных, взаимно не связанных текстах. Но даже в таком, сравнительно еще обособленном своем бытии, они все же сосуществуют в уме поэта, бросают друг на друга ответ и определяют будущую динамику творческой мысли Пушкина.

Сложный и многоуровневый конфликт, определяющий семантическую структуру «Полтавы», проявляется как столкновение «одической» и романтической текстовых организаций (речь должна идти не только о стилистическом, но и о фонологическом столкновении этих структур; к сожалению, из-за соображений места мы вынуждены опустить сопоставление двуслойной фонологической структуры поэмы с нормами поэзии XVIII в. и романтических поэм первой половины 1820-х гг., однако, слух читателей Пушкина эту двойную фонологическую отсылку, конечно, улавливал), в противопоставлении эгоизма Мазепы (в творчестве Пушкина трудно найти другой пример такой однозначно отрицательной оценки персонажа, лишенной даже попытки дать характеристику героя «изнутри»; сопоставить с нею можно лишь хронологически близкую оценку Онегина в VII-й главе романа) и глубинной связи с историческими закономерностями, присущей Петру.

Однако апофеоз истории в поэме заводит Пушкина значительно дальше, чем безусловное осуждение Мазепы, наделенного чертами романтического эгоизма:

Не многим, может быть, известно,
Что дух его неукротим,
Что рад и честно и бесчестно
Вредить он недругам своим;
Что ни единой он обиды
С тех пор как жив не забывал,
Что далеко преступны виды
Старик надменный простирает;
Что он не ведает святыни,
Что он не помнит благостыни,

¹⁴ Характерно, что на тот же 1829 г., который отмечен наибольшей остротой размышлений о верховных правах истории над отдельной личностью, приходится и самая смелая формулировка суверенных прав отдельного человека — гимн Дому и домашним богам:

И нас они науке первой учат —
Чтить самого себя (III, кн. 1, стр. 193, курс. Пушкина)

Что он не любит ничего,
Что кровь готов он лить как воду,
Что презирает он свободу,
Что нет отчизны для него (V, стр. 25)

Осуждению подвергаются *все* герои, чьи личные устремления — злодейские или благородные — диктуются не желанием слиться со стихийным движением истории, сделаться, как Петр, ее персонифицированным воплощением, а любовью, ненавистью, — человеческими страстями. Все они — от злодея Мазепы до «как агнец» кроткого Искры — осуждены на забвение. Причем судьей демонстративно избрана История — точка оценки вынесена на сто лет в будущее по отношению ко времени сюжетного действия поэмы. Только отказавшийся от всего личного Петр (ср. противоположное построение характера Петра в «Арапе Петра Великого») сохраняет право на память потомков:

Прошло сто лет — и что ж осталось
От сильных, гордых сих мужей,
Столь полных волею страстей?
Их поколение миновалось —
И с ним исчез кровавый след
Усилий, бедствий и побед.
В гражданстве северной державы,
В его воинственной судьбе,
Лишь ты воздвиг, герой Полтавы,
Огромный памятник себе (V, стр. 63)

Столкновение человека и истории дано в «Полтаве» в значительно менее сложной, более прямолинейной форме, чем в «Медном всаднике». Конечно, в реальной ткани текста прямолинейность сюжетного конфликта смягчается, поскольку та самая «детализованность» и очеловеченность новеллистической стороны сюжета, которые на уровне общего идейного построения должны были способствовать торжеству историзма, рождали и эстетическую оправданность мира частной жизни.

Уже в «Полтаве» намечен некоторый смысловой треугольник: начало истории, реализуемое как повествование о Петре, начало человеческое, реализуемое как новеллистический сюжет романтической тональности, и суд над ними, произносимый с дистанции века («прошло сто лет»). При этом исторический узел сюжета не включает в себя героев «частного» плана, а «новеллистический» строится с участием исторических персонажей.

В «Медном всаднике» треугольник обращен острием в прошлое — в глубине истории остается лишь эпизод с участием Петра. Соответственно текстуально повторяющаяся формула «прошло сто лет» отнесена не в конец повествования, а делается связкой между историческим и современным. При этом новеллистический узел сюжета, с одной стороны, стро-

ится в подчеркнута антиромантической тональности, ассоциируясь уже не с романтической, а с бытовой поэмой, а, с другой, органически вырастает в «историческую» сюжетную линию. Перенесенный на сто лет в будущее, он сам становится историей. Это приводит к тому, что «новеллистический» эпизод совмещается с судом и сам превращается как бы в суд истории над историей.

Такое построение приводит к тому, что, если в «Полтаве» суд истории мыслился как нечто безусловное и однозначное, то в «Медном всаднике» он приобретает сложный, колеблющийся, неоднородный характер.

Посвящение «Полтавы» вносило в текст «другую точку зрения», смягчая антиромантическую прямолинейность «историзма» поэмы. Д. Д. Благой указал, что посвящение вносит в «Полтаву» тон «лирического любовного излияния самого поэта»¹², связывая поэму с противопоставленными ей южными поэмами. Этим исследователь, пожалуй, единственный из всех писавших о «Полтаве», поставил вопрос о необходимости изучения посвящения в контексте проблем поэмы.

Романтическая поэма подразумевала не только определенное построение текста, но и некоторый тип отношения читателя к тексту: читатель должен был верить в интимные связи, существующие или якобы существующие между героем и автором, героиней и миром авторских чувств. Автор тем самым обязывался к некоторому особому поведению, которое позволяло бы в нем распознать романтического поэта. Если личное поведение автора реалистического произведения автономно от создаваемого им текста и, в этом отношении, не контролируется читателем, то романтический поэт интимно связан со своим произведением, и читатель, мифологизируя его личность, следит за нерушимостью этой связи.

Пушкин остро почувствовал эту особенность романтизма в самом начале южного периода и сам активно участвовал в мифологизации своей личности. Так, одновременно с выходом «Кавказского пленника» он подсказывал весьма различным читателям (черновик письма Гнедичу от 29 апреля 1822 г.: «В нем есть стихи моего сердца», письмо Горчакову от октября — ноября 1822 г.: «Характер Пленника неудачен; доказывает это, что я не гожусь в герои романтического стихотворения») идею сопоставления автора и произведения.

В дальнейшем использование личных писем с целью подтолкнуть читателей к догадкам относительно биографического смысла тех или иных стихов стало для Пушкина южного периода такой же системой, как многозначительные умолчания и пропуски в текстах, имеющие целью не скрыть интимные чувства автора, а привлечь к ним внимание. Рассмотрим

¹² Д. Д. Благой. Цит. соч., стр. 330.

под этим углом зрения эпизод с элегией «Редеет облаков летучая гряда...», привлекавшийся чаще всего для построения догадок об «утаенной любви».

Очевидно, что в Крыму Пушкин был в кого-то влюблен, не менее очевидно, что бесцеремонность Булгарина, опубликовавшего без ведома Пушкина его письмо, раздражила поэта. Но не менее заметно и настойчивое стремление в различных письмах дать пищу для догадок о своих чувствах, намекнуть на тайну и таинственную страсть. Три последних стиха Бестужев напечатал против воли Пушкина, но ведь, если бы Пушкин их не распространял с указанием на то, что их печатать не следует (в письме Бестужеву от 12 января 1824 г. он упрекает издателя «Полярной звезды» за то, что тот «напечатал именно те стихи», о которых Пушкин специально его предупреждал — см. XIII, стр. 84), Бестужев их не имел бы вообще. Да и после того, как Б. В. Томашевский бесспорно установил, что «дева юная» Элегии — Екатерина Раевская¹³, трудно связывать эти стихи не только с «утаенной», но даже вообще со сколь-либо серьезной и длительной любовью (в 1825 г. он писал Вяземскому: «Моя Марина <Мнишек — Ю. Л.> славная баба: настоящая Катерина Орлова» — XIII, стр. 226).

Достаточно знать, что именно о Катерине Раевской сказаны слова: «Одной мыслью этой женщины дорожу я больше, чем мнением всех журналов на свете и всей публики» (XIII, стр. 101), чтобы согласиться с тем, что слова эти не только показатель сильного, хотя и мимолетного чувства, но и свидетельство заботы о мнении «всей публики» и определенном восприятии произведений. Читатель должен верить в безнадежную любовь автора.

Еще более это очевидно относительно «Бахчисарайского фонтана». Пушкин жалуется на то, что Туманский смешивает его с Шаликовым. Но ведь до этого сам он, будучи совсем не высокого мнения об уме своего собеседника и зная о его склонности передавать новости, сообщил, по собственным словам, Туманскому «отрывки из Бахчисарайского фонтана (новой моей поэмы), сказав, что я не желал бы ее напечатать, потому, что многие места относятся к одной женщине, в которую я был очень долго и очень глупо влюблен, и что роль Петрарки мне не по нутру» (XIII, стр. 67). Пушкин знает, что Туманский написал об этом в Петербург, и просит брата Льва принять меры против разглашения этих сведений. Невозможно не увидеть здесь стремление Пушкина к тому, чтобы известие было разглашено, чтобы в Петербурге (общительность брата ему известна, и трудно найти менее подходящую кандидатуру для конфиденциальных поручений) еще до

¹³ См.: Б. Томашевский. Пушкин, кн. 1, М.—Л., 1956, стр. 488.

получения поэмы, распространились определенные ожидания и установилась необходимая для восприятия текста биографическая легенда. Цель эта преследуется с необычайной энергией и упорством. Так, Бестужеву, еще не уладив до конца ссоры из-за нескромности в публикации «Элегии», он доверительно сообщает тайну «Бахчисарайского фонтана»: «Недостаток плана не моя вина. Я суеверно перекладывал в стихи рассказ молодой женщины» (XIII, стр. 88). Вяземского он уведомляет, что выбросил из поэмы не только то, к чему могла бы придаться цензура, но и «то, чего не хотел выставлять перед публикой» (XIII, стр. 73). Сохранившиеся рукописи, кстати, не подтверждают известия об изъятых интимных местах поэмы — вернее всего, и оно — дань литературной стилизации.

«Евгений Онегин» был произведением нового типа, требовавшим и иного читательского представления о соотношении автора и его текста. Романтический мифологизм начал казаться пошлостью, и Пушкин предпринимает, как в тексте романа, так и за его пределами, энергичные усилия для прозаизации своего облика в глазах читателя. В специальных отступлениях он демонстративно отрицает тождество себя и героя и связь женских персонажей своего творчества с личными интимными переживаниями. Первая глава «Онегина» кончалась двумя демонстративно сближенными утверждениями: в строфе LVI Пушкин подчеркивал «разность» между Онегиным и собой, а строфах LVII — LVIII на вопрос «друзей»:

Кого твой стих боготворил?

отвечал:

И, други, никого, ей богу!

Не следует забывать, что отдельной публикации первой главы «Онегина», где читатель впервые прочел эти стихи, был предпослан в качестве предисловия «Разговор книгопродавца с поэтом», демонстративно знакомящий читателя с изменением отношения автора к своему творчеству.

Посвящение «Полтавы» возрождает оставленную уже поэтом традицию биографических (или псевдобιοграфических) признаний и сгущенной атмосферы интимности, нагнетаемой вокруг текста.

Читатель мог не знать, кто именно скрыт в неназванном адресате посвящения, но то, что поэт вводит его в свои сокровеннейшие и интимные чувства, ему сразу делалось очевидным. Пушкин колебался, какой облик придать своему чувству: определить ли его как «утаенную любовь», то есть любовь, скрытую от адресата чувства, или отвергнутую («без привета пройдет, непризнанное вновь»). Трудно не согласиться с тем, что, если бы дело шло о стихотворном протоколе некоторого реального биографического факта, то колеба-

ние поэта, какая же из этих двух несовместимых ситуаций имела место, выглядела бы странно.

Нельзя не заметить, что поэтические формулы посвящения почти текстуально совпадают со строфами из «Путешествия Онегина», которыми в 1829 г. Пушкин определил свои прошедшие литературные идеалы. Среди «высокопарных мечтаний» своей «весны» он назвал

И гордой девы идеал,
И безыменные страданья (VI, стр. 200)

Невозможно себе представить, чтобы Пушкин, писавший в конце 1829 года эти стихи, 27 октября 1828 г. (дата посвящения) не чувствовал стилистико-эмоционального ореола «кутанной любви» и всей атмосферы тайны и страсти, которыми он окутал вступление в «Полтаву».

У нас нет никаких оснований подозревать Пушкина в рационалистическом конструировании. Дело значительно более сложно: для того, чтобы уравновесить «государственно-исторический» пафос «Полтавы» и придать идее произведения большую художественную емкость, Пушкин чутьем художника почувствовал необходимость в усилении второго, скрытого в глубинах его художественного мышления этих лет, гуманного пафоса. Использование понятного читателю способа — усиления интимной атмосферы вокруг личности автора — здесь давало необходимый корректив тону произведения. Страстный и глубоко личный призыв был необходим в начале поэмы именно потому, что противоречил ее внутренней семантической конструкции и поэтому — дополнял ее.

Пушкин избрал для себя образ женщины, который мог его вдохновить на высокие и проникновенные стихи, — М. Н. Раевской. Выбор, вероятнее всего, не был обусловлен давно стершимися воспоминаниями о счастливых неделях в Крыму, когда Пушкин, возможно, не выделял Марию Николаевну из круга сестер и подруг¹⁴. Иначе обстояло дело в 1828 г., когда

¹⁴ Кроме Элегии, которая, как показал Б. В. Томашевский, к Марии Раевской не относится, свидетельством увлечения ею Пушкина в Крыму обычно считают XXXIII строфу I главы «Евгения Онегина» («Я помню море пред грозю»). Сама М. Н. Волковская в своих воспоминаниях отнюдь не склонна была преувеличивать силы пушкинского чувства (проявляя гораздо большую трезвость и, вероятно, большую осведомленность в этом вопросе, чем исследователи) и писала иронически: «Как поэт, он считал своим долгом быть влюбленным во всех хорошеньких женщин и молодых девушек, с которыми он встречался <...>. В сущности он обожал только свою музу и поэтизировал все, что видел» («Записки кн. М. Н. Волконской», изд. 2-е, 1914, стр. 62). Однако и она, безусловно, относила эпизод XXXIII строфы на свой счет. Между тем, М. Салупере, убедительно сопоставив интересующий нас отрывок из «Онегина» с письмом В. Ф. Вяземской мужу от 11 июля 1824 г., доказала, что возможно и иное толкование. В. Ф. Вяземская писала: «Иногда у меня не хватает храбрости дожидаться девятой волны, когда она слишком быстро приближается, тогда я убегаю от нее, чтобы тут же воротиться. Однажды мы с гр. Воронцовою и Пушки-

у Пушкина были свежи в памяти впечатления от последней встречи, образ М. Н. Волконской возвысился в его глазах благодаря ее героическому поступку, а сам он только что написал прочувствованные стихи на могилу ее сына. В этих условиях поэт мог действительно, работая над текстом посвящения, поверить, что М. Н. Волконская — его единственная и вечная утраченная любовь. Искренность этого поэтического переживания не отменяла того, что в жизни чувства Пушкина могли быть иными и по направленности, и по интенсивности и что сама проекция поэзии на жизнь, с такою силой подсказанная здесь читателю, была сознательным включением в привычное романтическое биографическое мифотворчество. Именно уси-

ным дождались ее, и она окатила нас настолько сильно, что пришлось переодеться» (Остафьевский архив, т. V, вып. II, СПб., 1913, стр. 123, оригинал по-французски). Далее М. Салупере сопоставляет это известие с посланкой Пушкиным какой-то строфы осенью 1824 г. В. Ф. Вяземской («Вот, однако, строфа, которой я Вам обязан», XIII, стр. 532). См.: М. Салупере, Из комментариев к текстам А. С. Пушкина, «Русская филология. Сборник студенческих научных работ», I, Тарту, 1963, стр. 49—50.

Если Элегия относится к Екатерине Раевской, стихи из «Бахчисарайского фонтана»:

Я помню столь же милый взгляд
И красоту еще земную —

к чахоточной Елене Раевской (ср. «Увы! зачем она блистает...», II, кн. I, стр. 143, под черновым текстом стихотворения помета «Юрзуф»; из письма Туманского: «Елена сильно нездорова; она страдает грудью и хотя несколько поправилась теперь, но все еще похожа на умирающую», В. И. Туманский, письма и неизд. стих., 1891, стр. 54). Попытка Ю. Н. Тынянова отнести стихи о «красоте еще земной» к Е. А. Карамзиной поражают натушностью (как, впрочем, и остальные аргументы этой работы), а воспоминания Марии Николаевны о сцене игры с волнами — aberрация памяти, подогнавшей какие-то реальные воспоминания под контуры текста из «Онегина» (ср. слова Стендаля о невозможности для мемуариста отделить подлинные воспоминания от позднейших наслоений: «Я отлично представляю себе спуск, но не хочу скрывать, что через пять или шесть лет после этого я видел гравюру, которая оказалась мне очень похожей, и мое воспоминание — это только гравюра», Стендаль. Анри Брюлар. Собр. соч., т. VI. Л., 1933, стр. 272), то остается лишь несколько текстов неясного адресата, из которых часть, возможно, и навеяна М. Н. Раевской. В целом это все говорит об определенном жизненном материале, из которого Пушкин строил литературно ему необходимый идеал «любви отверженной и вечной», а не о реальной «потаенной любви», столь интригующей исследователей. Бесплезно рассматривать художественный текст как материал для вычитывания биографических подробностей. Это относится и к тексту «поэтического поведения», создаваемого романтическим поэтом из сложного единства поэтических произведений, писем, реальных поступков, дневниковых записей, бытового поведения, перенесенного в жизнь со страниц литературы. Реконструировать на основании этого «текста поведения» внепоэтическую реальность вполне возможно, хотя и достаточно трудно, из-за органического слияния в эпоху романтизма литературы и быта. Однако для такой реконструкции следует анализировать все документальные свидетельства как закодированные сложной системой культурных кодов романтизма и подлежащие дешифровке. Наивное перенесение отдельных строк или «фактов» из контекста определенных семиотических документов в чуждый для них контекст биографического исследования здесь противопоказано.

ние до предела антиромантических тенденций вызывало к жизни частичную реставрацию романтизма «на параллельных рельсах» (это ощущается и в художественной ткани самой «Полтавы», и в цикле стихотворений о поэте, и в проблематике, связанной с образом «беззаконной кометы», и проч.).

Хотя личность адресата посвящения от читателя осталась скрытой, но психологически, видимо, не случайно, что, дополняя «Полтаву» посвящением, Пушкин вызвал перед собой образ, который мог вдохновить на интимные строки и, одновременно, связан был с декабристской проблематикой.

Основная линия «Полтавы» не просто полемически противопоставлена романтизму — Пушкину пришлось вступить в прямой спор с Рылеевым, конечно, не называя имени погибшего поэта. В предисловии к поэме он писал: «Некоторые писатели хотели сделать из него героя свободы, нового Богдана Хмельницкого» (V, стр. 335). Явно полемичен и образ Войнаровского, мельком появляющийся в поэме.

Полемика с Рылеевым (а через него — с декабристским подходом к истории) связана была с определенной этической неловкостью. Однако отказаться от нее Пушкин не мог, не нанося ущерба сущности своей концепции. Это создавало психологическую необходимость отделить идеи от людей и подчеркнуть преклонение перед человеческой стороной подвига. И в этом смысле посвящение давало по отношению к поэме «другую точку зрения», пусть даже скрытую от читателей, но важную автору¹⁵.

Это можно было бы сопоставить с психологической необходимостью для Пушкина дополнить стремление к «шекспировскому взгляду» на драму 14 декабря и историзм «Стансов» декларацией личной приверженности памяти «братьев, друзей, товарищей» в «Послании в Сибирь» и «Арионе». Как обе эти линии творчества второй половины 1820-х гг., не связываясь воедино, сложно дополняли друг друга в целостности личной позиции автора, так посвящение «Полтавы» и ее текст образовывали сложное и противоречивое единство, живущее взаимным напряжением смыслов и эмоций.

* * *

Два соотнесенных стихотворных текста окружены в первой публикации поэмы прозаической рамкой — предисловием и комментарием. Здесь также перед нами определенная дополнительность точек зрения. Предисловие посвящено лишь Петру и Полтавской битве, историческим персонажам, и полностью умалчивает о новеллистическом сюжете поэмы. Исто-

¹⁵ Пушкин задумал диалогически столкнуть и заимствованные у Байрона эпиграфы к посвящению и поэме, однако, в окончательном тексте отказался от этого замысла.

рия предстает здесь в своей теоретической сущности. Примечания также историчны, но комментируют текст поэмы, контрастируя по тону с предисловием в подчеркнуто бытовом, прозаически точном ключе¹⁶.

Сложное сочетание предисловия — посвящения — поэмы — примечаний создавало емкую смысловую ткань, которая значительно упрощается, если рассматривать «Полтаву» изолированно от ее текстового окружения. Местом в этом архитектурном единстве определяется и функция посвящения «Полтавы».

¹⁶ Ср.: Ю. М. Лотман. К структуре диалогического текста в поэмах Пушкина (проблема авторских примечаний к тексту). В сб.: Пушкин и его современники. Псков, 1970. (Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 434).

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА

ПРОБЛЕМЫ
ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ЛЕНИНГРАД
1975